

На правах рукописи

Дюзенли Мария Владимировна

**РЕКОНСТРУКЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
КОРПУСНО-ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и прикладной лингвистики ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Мухин Михаил Юрьевич

Официальные оппоненты: **Будаев Эдуард Владимирович**, доктор филологических наук, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения

Зарипова Алина Мавлитовна, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», доцент кафедры восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Востока

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится «14» октября 2016 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.22 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=259671>

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию фрагмента метафорической картины мира, который реконструируется на русском и турецком корпусном материале в рамках одной денотативной сферы (сферы семейных отношений).

Актуальность работы проявляется в ее соотносительности с активно развивающимися направлениями современных лингвистических исследований антропоцентрического характера, обращенных к изучению языковой семантики в ее связи с когнитивными структурами и механизмами с целью установления как общих закономерностей концептуализации действительности, так и ее национально-специфических особенностей. В условиях мировой политической нестабильности актуальными становятся любые, в том числе и лингвистические, попытки объяснить культурные и национальные различия в понимании важнейших фрагментов действительности во имя повышения эффективности межкультурного взаимодействия. Языковые проявления конфессиональной специфики национальной картины мира, нашедшие свое отражение в работе, также находятся в русле современных лингвистических исследований лингвокультурологического характера. Актуальной диссертацию делает и применение современных корпусных технологий, используемых для достижения максимальной объективности и быстроты обработки больших объемов лингвистических данных.

Повышенное внимание к изучению образной системы языка и феномена метафоры, характерное для антропологической научной парадигмы, также определяет актуальность настоящей работы. Несмотря на то, что в истории лингвистической науки многие периоды могут быть с полным правом рассмотрены как «время тотального интереса к метафоре» (Скляревская 1993), в последние десятилетия этот интерес особенно возрос. Огромный интерпретирующий потенциал метафоры как одного из старейших и наиболее продуктивных способов смыслопроизводства на всех уровнях языковой структуры (Телия 1988) неоднократно изучался как в рамках традиционного, структурно-семантического направления (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, В.Г. Гак, Г.Н. Скляревская, А.А. Потебня и др.), так и с позиций когнитивного подхода (А.Н. Баранов, Г.С. Баранов, Д.О. Добровольский, Э.В. Будаев, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М.Джонсон, Дж. Фоконье, М. Тернер, Ф. Греа и др.). Однако для новейших исследований как узко когнитивный, так и сугубо семасиологический взгляд на метафору уже не характерны: признается некая многомерная модель, предполагающая одновременный учет ее функционирования в рамках языка, мыслительных процессов, коммуникации, культуры и т.п. (Л.В. Балашова, Н.А. Илюхина, З.И. Резанова, Ю.В. Тарасова, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.).

В данной работе интерпретирующий потенциал метафоры используется как эффективный инструмент для реконструкции метафорической картины

мира семейных отношений в русском и турецком языках. Семья, являясь древнейшим социальным институтом, важнейшим социокультурным феноменом и одной из фундаментальных ценностей любого общества, уже неоднократно привлекала внимание лингвистов и становилась предметом многочисленных исследований.

Степень разработанности проблемы определяется тем, что образ семьи в языковом сознании русских рассматривался в гендерном аспекте (Грибач 2005), в динамике и сопоставлении с соответствующим образом в сознании русских, англичан и американцев (Баландина 2013). Всесторонне исследовался концепт «семья»: на материале русского литературного языка (Добровольская 2005, Занегина 2011, Матвеева 2007), в его этноспецифике в английской лингвокультуре (Терпак 2006), в русской и французской концептосферах (Железнова 2009), в англоязычной, армянской и русской лингвокультурах (Гулкян 2010), в ассоциациях носителей русского и турецкого языков (Сидорина 2010) и др. На материале текстов современной русской художественной литературы изучалась семиосфера семейных аномалий (Кидямкина 2014), на паремиологическом уровне прослеживалось отношение к внебрачным связям, закрепленное в русском языковом сознании (Колыскина 2013). Однако комплексного семантически ориентированного исследования метафорической картины мира семейных отношений по данным таких генетически разнородных языков, как русский и турецкий, пока не проводилось.

Объектом настоящего исследования являются метафорические репрезентации денотативной сферы семейных отношений как значимый фрагмент русской и турецкой метафорических картин мира. **Предмет** исследования – закономерности и особенности метафоризации семейных отношений, выявляемые в русском и турецком корпусах текстов.

Целью исследования является реконструкция метафорической картины мира семейных отношений в русском и турецком языках на основе идеографического анализа метафорических контекстов, извлеченных из национальных корпусов.

В соответствии с заявленной целью в диссертации решаются следующие **задачи**:

1) определение теоретической базы и методики исследования метафорической картины мира семейных отношений с обоснованием правомерности и эффективности использования корпусно-идеографического, лингвокогнитивного и семасиологического подходов к анализу метафорической об-разности;

2) разработка формализованной модели реконструкции метафорической картины мира с опорой на корпусно-идеографический подход;

3) обеспечение частичной автоматизации поиска метафорических контекстов на этапе выборки материала из русского и турецкого корпусов текстов;

4) подбор адекватных критериев для систематизации и классификации метафорических контекстов в зависимости от сферы-источника метафорической экспансии и формирование максимально возможного для обоих корпусов количества метафорических моделей исследуемой сферы;

5) осуществление комплексного описания всех метафорических моделей в их национальных реализациях с учетом особенностей их когнитивной структуры, а также их основных семантических и статистических параметров;

6) выявление общих закономерностей и специфики словарного наполнения исследуемой денотативной сферы в русском и турецком языках;

7) выявление особенностей метафоризации исследуемой сферы в конкретных подсферах внутрисемейного взаимодействия.

В качестве **материала исследования** использованы различные в стилистическом и жанровом отношении тексты, написанные в период с 1990 по 2000 гг. и входящие в состав двух электронных корпусов: Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и корпус турецких текстов, созданный в Техническом университете Среднего Востока – Middle East Technical University г. Анкары (METU Turkish corpus). Выбор этих источников продиктован соответствующими характеристиками единственно доступного на момент начала исследования непополняемого турецкого корпуса. Корпус-менеджер НКРЯ позволил автоматически скорректировать как хронологические рамки, так и жанровое наполнение пользовательского подкорпуса, формирование которого было необходимо для адекватного и корректного сопоставления относительно соответствующих параметров, присущих METU Turkish corpus, в котором возможность изменения этих показателей отсутствует. Созданный таким образом на базе НКРЯ подкорпус по объему материала (32 485 008 слов) превысил турецкий аналог (2 000 000 слов) в 16 раз. Подобное несоответствие предопределило асимметричность в количестве проанализированных русских (2810) и турецких (231) метафорических контекстов. Однако приблизительное соответствие параметров репрезентативности обоих корпусов, а также их метафоричности (для русского подкорпуса 1.1%, для турецкого 2.1%) делает межъязыковые сопоставления на данном материале возможными и правомерными. Метафоричность корпусов вычислялась по предложенной А.Н. Барановым формуле расчета метафоричности дискурса, т.е. как отношение количества метафорических употреблений к общему числу всех (как неметафорических, так и метафорических) контекстов (Баранов 2014: 170), в которых осмысливается тема семейных отношений. В целом в ходе исследования для поиска метафорических контекстов было задействовано 349 русских и 95 турецких лексем (с учетом словоформ, по которым поиск в турецком корпусе является единственно возможным, турецкий лексический материал насчитывает 493 поисковых единицы). Суммарное количество всех просмотренных контекстов (как ме-

тафорических, так и неметафорических), полученное на основе этих лексем в корпусной выдаче, составило более 266 тысяч единиц.

Теоретическая значимость работы обуславливается ее интегральным характером: она выполнена на стыке когнитивной лингвистики, семасиологии, корпусной лингвистики и лингвокультурологии. Исследование вписывается в контекст одного из приоритетных направлений, разрабатываемых в рамках Уральской семантической школы, и вносит вклад в развитие методики изучения языковых средств концептуализации денотативного пространства языка и особенностей его организации. В диссертации выработана корпусноориентированная модель описания метафоры в рамках одной денотативной сферы, которая может быть применима для анализа языковой картины мира любого этноса. Значимым в теоретическом отношении является и то, что в работе предложен адекватный алгоритм частично автоматизированного поиска по семантическим критериям, относящегося к числу наименее разработанных механизмов автоматической обработки лингвистических данных в силу идиоматичности языкового знака. Кроме того, ценными можно считать разработанные принципы отбора и систематизации метафорических контекстов в условиях асимметричности языкового материала. Теоретическую значимость также имеет уточнение некоторых базовых понятий исследования (метафорический контекст, когнитивная структура метафорической модели, слот).

Научная новизна диссертации проявляется в избранном ракурсе анализа: реконструированная метафорическая картина мира семейных отношений показана как в виде системы ее возможных метафорических моделей, так и через специфику осмысления конкретных субсфер внутрисемейного взаимодействия. Осуществленная в работе систематизация метафор одного семантического поля актуализирует важные проблемы образной семантики слов, которые принадлежат к достаточно удаленным друг от друга лексическим системам. Новизна работы обеспечивается и самим характером стилистически, структурно и функционально разнородного материала, что обеспечивает полноту анализа и объективность исследовательских выводов.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью использования ее материалов в лексикографической практике, в частности, при составлении словаря метафор исследуемой сферы. Результаты анализа лексемного наполнения денотативной сферы семейных отношений могут внести определенный вклад в реализацию идеи комплексного толково-идеографического словаря на материале турецкого языка. Разработанный алгоритм частичной формализации поиска и анализа метафор может успешно применяться в самых разных исследованиях языковой семантики на базе текстовых корпусов. Основные выводы и положения диссертационного исследования также значимы для преподавания русского языка как иностранного, поскольку изучение метафорических значений слов значительно облегчается знанием определенных метафорических моделей, понимание которых способствует успешной межкультурной коммуникации. Результаты

исследования могут найти свое применение и при разработке различных междисциплинарных и национально-ориентированных спецкурсов.

Достоверность результатов исследования обеспечивается значительным объемом материала, извлеченного из научно обоснованных корпусов русского и турецкого языка, системным подходом к изучению метафорической картины мира семейных отношений, опорой на классические и современные достижения лингвистической науки, разнообразием отечественных и зарубежных научных источников, а также комплексным использованием современных методов и приемов лингвистического исследования.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы в области когнитивной теории метафоры и теории метафорического моделирования (Л.В. Балашова, А.Н. Баранов, Г.С. Баранов, Э.В. Будаев, Д.О. Добровольский, Н.Н. Болдырев, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Т.Г. Скребцова, Е.В. Рахилина, З.И. Резанова, А.П. Чудинов и др.), теории регулярной многозначности (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, Н.А. Боровикова, В.Г. Гак, Э. В. Кузнецова, Е.В. Падучева, Т.Н. Сивкова, Г.Н. Скляревская, А.П. Чудинов, Д.Н. Шмелев и др.), лингвокультурологии (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.Г. Карасик, В.А. Маслова, М.В. Пименова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Е.А. Урысон и др.), идеографической лексикографии (Л.Г. Бабенко, О.С. Баранов, Л.М. Васильев, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, В.П. Москвин, Н.Ю. Шведова и др.) и корпусной лингвистики (Н.Н. Белозерова, Н.Б. Гвишиани, В.П. Захаров, А.А. Кибрик, М.Ю. Мухин, В.А. Плунгян, В.И. Подлеская, Е.В. Рахилина, Л.Е. Чуфистова и др.).

В процессе работы над исследованием применялись следующие **методы**:

- 1) метод анализа словарных дефиниций;
- 2) компонентный анализ лексического значения;
- 3) метод формализованной сплошной выборки материала;
- 4) метафорическое моделирование;
- 5) классификационный метод;
- 6) статистический анализ;
- 7) сопоставительный анализ метафорических контекстов для выявления фактов национально-культурной специфики концептуализации исследуемой денотативной сферы;
- 8) лингвокультурологический анализ.

В работе используются также общенаучные теоретические методы исследования: описательный, индуктивный и дедуктивный.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для реконструкции метафорической картины мира семейных отношений разработана модель комплексного анализа метафор в направлении от языковых структур и метафорических моделей к репрезентированным в рамках данной денотативной сферы когнитивным структурам. Осуществ-

ленный при реализации этой модели корпусно-идеографический подход проявляется как на этапе выборки материала (поиск в русском и турецком текстовых корпусах по структуре денотативно-идеографических групп лексики), так и на этапе его структурно-семантического, лингвокогнитивного и лингво-культурологического обобщения.

2. Метафорическая картина мира, воплощенная в денотативной сфере семейных отношений, реализована (по данным русского и турецкого корпусов) в целостной системе метафорических моделей, а не в каждой модели изолированно. Ключевыми показателями национально-культурной специфики этой картины являются наличие или отсутствие межмодельных лексических и смысловых соответствий, а также соответствий в разнообразии фреймо-слотовой структуры каждой сопоставляемой модели. При формировании и наполнении фреймо-слотовой структуры метафорических моделей учтен принцип пересекаемости слотов по аналогии с пересекаемостью классов в толково-идеографических словарях. Выявлено, что один и тот же контекст может являться компонентом нескольких моделей или входить в состав разных частей одной модели.

3. Денотативная сфера семейных отношений, с учетом ее метафорической репрезентации, обладает значительным сигнификативным разнообразием (21 метафорическая модель), что свидетельствует о ее бесспорной значимости в русской и турецкой языковых картинах мира. Обе реализации каждой метафорической модели (русская и турецкая) имеют сходную фреймо-слотовую структуру. В обоих корпусах наиболее частотной является зоморфная модель (27% в русском корпусе и 35% в турецком), за ней в числе частотных оказываются реализации одних и тех же моделей (фитоморфная, предметно-бытовая, социальная), однако их последовательность по этому показателю совпадает не полностью.

4. В концептуализации исследуемой сферы в обоих языках есть общие механизмы, определяющие следующие особенности ее метафорического представления: отображение конфликтности семейных отношений, «природность» метафор, концептуализирующих семью в ее связи с родом, «артефактность» метафор брачных отношений, осмысление семейных отношений в диахронии через фитоморфный образ дерева и т. д.

5. Анализ контекстного наполнения когнитивной структуры метафорических моделей показывает их национально-специфические признаки. Лексические особенности метафор проявляются в том, что субъект семейных отношений или их аспект может соотноситься с национально-специфической реалией (*царь*, *Сталин*, *генерал Скобелев*, *матрешка*, *падишах*, *султан*, *меджлис* и др.). Семантические особенности заключаются, например, в доминировании мужского начала в семейных отношениях (турецкие реализации моделей) или в осмыслении супружеских отношений как несерьезной детской игры (русские реализации моделей).

6. Целостная система семейных метафор отражает все возможные отношения между практически всеми членами семьи. В основе этой разветвленной системы лежат общие для обоих языков (степень родства, семейное положение) и специфические признаки (в турецком — противопоставление по отцовской и материнской линии и относительный возраст внутри одного поколения, в русском — пол субъекта семейных отношений, который, кроме лексического, получает и грамматическое выражение). На уровне денотатов метафор в обоих корпусах выделяются сходные субсферы внутрисемейного взаимодействия (отношения супругов, отношения поколений и семья в ее связи с родом).

7. По данным лингвокультурологического исследования, границы нормы и аномалии в русской и турецкой культурах не совпадают. В русском материале существуют три варианта распределения ролей между супругами при единственно возможной первостепенной роли мужа в турецком. Повторный брак воспринимается как норма в обеих культурах, а гражданский считается нормой только в русской. В турецкой культуре недопустимы как супружеская измена, так и любая вольность в поведении замужней женщины с противоположным полом, тогда как в русской обнаруживается относительная лояльность к супружеским изменам и др.

8. Комплексный анализ метафорической картины мира семейных отношений дает возможность выявлять специфику национальной гендерной психологии. Одним из проявлений этой специфики, по данным турецкого корпуса, является овеществление женского субъекта семейных отношений, осмысление его как объекта потребления, с позиции функциональности. Данные русского корпуса свидетельствуют о специфическом для русской культуры восприятии мужа как маленького ребенка, нуждающегося в заботе и опеке и др.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедрах современного русского языка и прикладной лингвистики и русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Основные теоретические положения докладывались автором на международных, общероссийских и региональных конференциях в Екатеринбурге (2013, 2014, 2016), Казани (2012), Томске (2013), Перми (2015, 2016) и Санкт-Петербурге (2015). Материалы исследования нашли отражение в 11 публикациях, 3 из которых входят в список рецензируемых изданий ВАК РФ.

Структура диссертации соответствует поставленной цели и задачам. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Приложения к диссертации содержат схемы, таблицы и диаграммы, наглядно представляющие количественные параметры метафорической картины мира исследуемой сферы, а также демонстрирующие методику поиска метафорических контекстов в корпусе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение построено по традиционной схеме с описанием основных параметров исследования: в нем обоснованы выбор темы и ее актуальность, сформулированы основная цель и конкретные задачи работы; представлены объект, предмет и материал исследования; перечислены используемые методы; определены теоретическая значимость, научная новизна и практическая ценность исследования; описана структура диссертации; представлены основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретические основы исследования метафорической картины мира семейных отношений» содержит освещение традиционных лингвистических подходов к феномену метафоры и раскрывает его роль в формировании и репрезентации картины мира в языке. Здесь же рассматриваются и уточняются основные понятия исследования (метафора, образ, языковая, концептуальная и метафорическая картины мира, денотативная сфера, метафорическая модель, корпус текстов и др.), объясняется применяемая технология выборки метафорического материала.

В первом параграфе **«Интегративная характеристика феномена метафоры»** обосновывается наличие двух тенденций, прослеживающихся в современных исследованиях по метафоре: многоаспектность и междисциплинарность. В лингвистике метафора одновременно изучается как механизм речемыслительной деятельности и способ смыслопроизводства (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия и др.), способ номинации и словообразования (М.Э. Рут, В.Ф. Новодранова, Г.Г. Бондарчук и др.), механизм семемного варьирования (В.В. Морковкин, Д.Н. Шмелев, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.), характеристика поэтического языка и стилистический прием (Г.В. Колшанский, Н.А. Кожевникова, А.А. Прокопьева и др.) и т.п. Разрабатываемая в современной лингвистической науке так называемая трехмерная модель метафоры, предполагающая одновременный учет ее функционирования в рамках языка, мыслительных процессов и коммуникации (Тарасова 2015: 122) сегодня дополняется четвертым измерением, реализующим связь метафоры с культурой в аспекте отращения национально-специфического видения мира.

Ярким примером проявления научной междисциплинарности является лингвокогнитивный подход к метафоре, важнейшими тезисами которого считаются максимально широкое определение границ референции метафоры (как по формальным, так и по содержательным признакам), а также признание роли глубинных когнитивных структур знаний в процессах метафоризации (А.Н. Баранов, А. Вежицкая, И. М. Кобозева, Е.С. Кубрякова и др.). В соответствии с этим феномен метафоры тесно связан с концептуальной и языковой картинами мира, поскольку предстает как механизм концептуализации действительности, т.е. обладает миромоделирующим потенциалом (Резанова 2010). Метафорическая картина мира определенно-

го фрагмента действительности может рассматриваться как обобщенный результат веками происходившего процесса формирования образных представлений о нем, зафиксированных в лексике языка в их национально-культурной специфике. Соответственно, метафора является одновременно лингвокогнитивным и лингвокультурным феноменом. В данном параграфе указываются также основные ограничения лингвокогнитивного подхода (главным из которых является оторванность от языка и языковых категорий), а также отмечается необходимость дополнения чисто когнитивной интерпретации процессов метафорообразования семантическим анализом (Илюхина 2010: 6).

Во втором параграфе **«Метафорическая модель: структура, методика описания и возможные типологии»** вводится понятие метафорической модели (М-модели), рассматриваются ее основные структурные компоненты и статистические параметры, согласно дескрипторной теории метафоры (Баранов 2014). М-модель понимается в работе как ментальная схема связи между задействованными в метафоризации двумя понятийными сферами, характеризующимися единством тематической отнесенности номинативных и переносных метафорических значений (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, Е.С. Кубрякова, З.И. Резанова, А.П. Чудинов и др.). М-модель является удобным инструментом реконструкции метафорической картины мира определенного фрагмента действительности, который может быть воплощен как в дискурсах различного типа (дискурсивный подход), так и в совокупности текстов, объединенных по какому-либо основанию (текстовый, корпусный подход).

Методика описания М-моделей и их типология варьируются в зависимости от задач конкретного исследования. В данной работе описание М-моделей в целях наиболее полной и объективной реконструкции метафорической картины мира исследуемого фрагмента действительности имеет интегральный характер, поскольку сочетает в себе достижения лингвокогнитивного, структурно-семантического и лингвокультурного подходов. Когнитивный подход к метафоре дает возможность выбора удобного метаязыка для выстраивания когнитивной (в нашем исследовании – фрейм-слововой) структуры М-модели как одного из вариантов нетрадиционной ментальной категоризации сферы семейных отношений. Кроме того, он позволяет осуществлять межъязыковые сопоставления с почти графической точностью и представлять их наглядно. Достижения структурно-семантического подхода к метафоре при описании М-моделей позволяют уделять внимание собственно семантическим аспектам исследования. Это проявляется в возможности выявления основных смысловых доминант, примерного диапазона лексического, семантического и ассоциативного варьирования образов, входящих в состав моделей, а также «межобразной синонимии» (Илюхина 2010), т.е. сходства в продуцируемых смыслах образов,

определяющих один денотат в рамках разных М-моделей. Субъективность семантического анализа при описании М-модели компенсируется наличием не только качественных, но и некоторых ее количественных параметров: частотность метафор, денотативное разнообразие, денотативная стабильность, мощьность, разветвленность (Баранов 2014). Лингвокультурный подход при описании М-модели позволяет выявить ее национальную специфику и проявляется в частности в необходимости культурологического комментирования.

В третьем параграфе **«Корпусно-идеографический подход к анализу метафор»** делается попытка обосновать соединение корпусного и идеографического подхода, применяемых в работе для поиска и анализа метафорических контекстов.

При моделировании метафорического фрагмента языковой картины мира корпусный подход, заключающийся в использовании в качестве материала исследования различных текстовых корпусов, способствует максимальной объективности результатов. В случае сопоставительного исследования корпусы не обязательно должны быть равными по объему, однако требуется хотя бы приблизительное соответствие параметров их репрезентивности, т.е. «необходимо-достаточного и пропорционального представления в корпусе текстов различных периодов, жанров, стилей, авторов» (Захаров 2005: 5) и метафоричности. Главными преимуществами корпусного подхода являются полнота спектра представленных языковых явлений, возможность работы с большими массивами данных и экономия времени за счет автоматизации поиска метафор. Однако в качестве его существенного недостатка отмечается недостаточная разработанность механизмов поиска по семантической разметке. Частично эта процедура может быть формализована путем использования на этапе выборки метафорических контекстов толково-идеографических словарей. Структура денотативно-идеографической группы методом сплошной подстановки переносится в поисковую систему корпуса: для полноты объема получаемых таким образом метафорических контекстов можно добавлять коннотативно-окрашенную и однокоренную лексику других частей речи. Сотни получаемых таким образом контекстов (в том числе с неснятой грамматической омонимией) приходится классифицировать вручную по сферам-источникам метафорической экспансии и из них, согласно показателю частотности, формировать М-модели. Идеографический подход применяется в работе не только для оптимизации поиска контекстов, но и для их последующего целостного анализа.

Вторая глава «Система метафорических моделей семейных отношений в русском и турецком корпусах текстов» представляет собой систематизацию результатов моделирования метафорической картины мира семейных отношений в русском и турецком языках на исследуемом корпусном материале. В качестве направления систематизации был избран путь

«от образов к денотатам, по отношению к которым они выступают средством интерпретации» (Илюхина 2010: 262). В классификации на основе общности области-цели метафорической экспансии задействовано максимальное количество метафорических употреблений лексем, относящихся к данной денотативной сфере, составлен максимально полный список всех возможных М-моделей. Все модели описывались изолированно, без учета межмодельных парадигматических связей. В силу того, что сопоставляемые корпуса значительно различаются по объему, выборочное сопоставительное описание отдельных формируемых на их базе М-моделей (даже наиболее частотных и продуктивных – именно этот путь выбирается исследователями метафорики дискурса наиболее часто) не может быть объективным и доказательным. По этой причине сопоставление и описание двух систем языковых реализаций метафорических проекций проводилось с постановкой акцента не на уровне конкретных М-моделей, а на их целостной системе, отражающей метафорическую концептуализацию исследуемой нами сферы. Системный подход обусловлен также тем, что сам поиск метафор проводился комплексно, а не методом случайной выборки, т.е. путем формирования максимально полного списка составляющих данную денотативно-идеографическую группу лексем.

При формировании и наполнении фреймо-слотовой структуры моделей соблюдался принцип, условно названный нами «пересекаемость слотов», по аналогии с пересекаемостью классов, которая учитывается при составлении толково-идеографических словарей и объясняется исходной пересекаемостью классов предметов в нашем сознании (Бабенко, 2005; Плотникова 2014). В связи с этим один и тот же метафорический контекст мог одновременно входить в несколько слотов одной модели и даже являться компонентом двух или более разных М-моделей. В качестве критериев отбора и количественного подсчета метафор были избраны синтаксический и структурно-семантический. Согласно синтаксическому критерию, в разных предложениях метафоры подсчитываются как разные. Под структурно-семантическим критерием разграничения метафор в работе понимается разграничение количества принципов переноса в одном контексте. Эти критерии ярко иллюстрируются на примере анализа следующего полиметафоричного контекста:

Но чему не позавидуешь, так это супружеству мужчины и женщины. Вот уж где сойдутся лед и пламень: совершенное нежелание перемен со стороны мужчины (как вы уже понимаете, мужчиной может быть и жена) и неукротимое стремление к переменам со стороны женщины (в данном случае женщиной может быть и муж). Это превратит брак – и без того сам по себе адский институт – в полную преисподнюю [А. Инин. Женщина и мужчина].

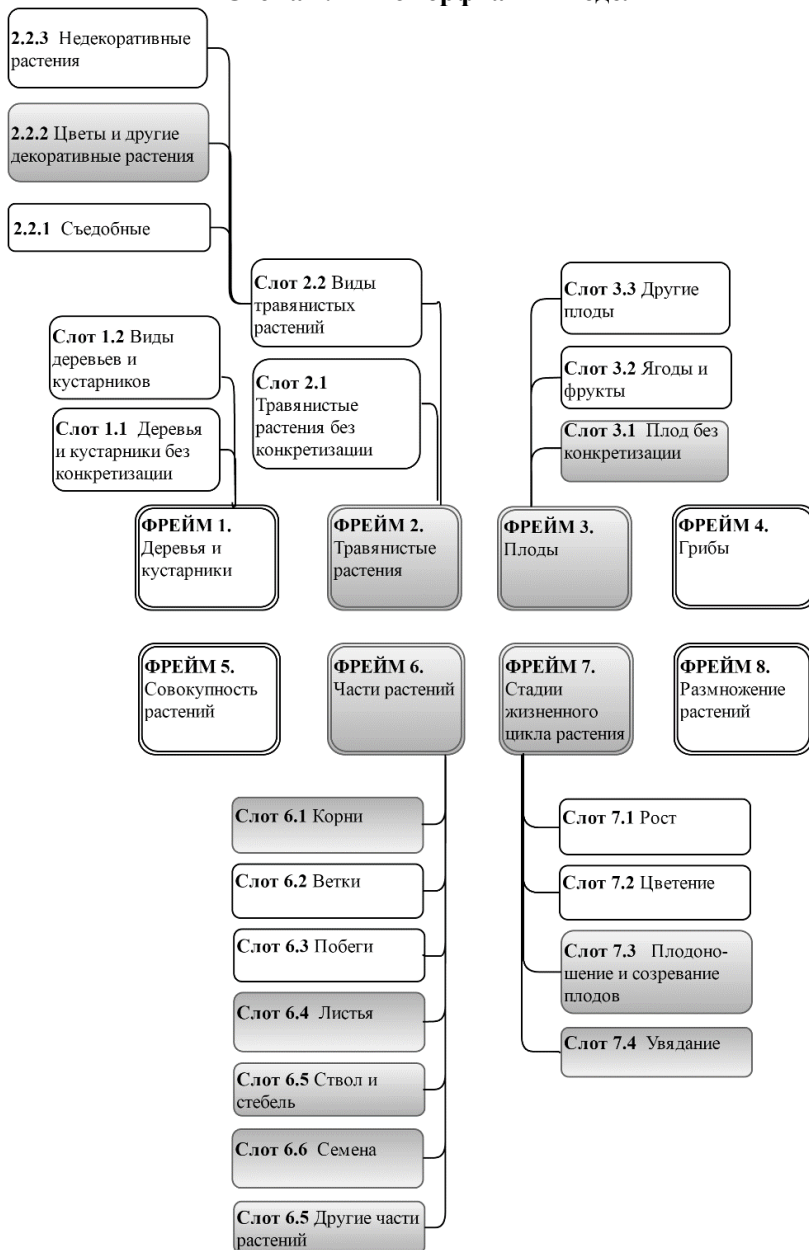
По формальным показателям (нахождение в простом предложении в составе сложного, самостоятельном предложении), мы выделяем здесь 4

метафоры: лед и пламень = муж и жена; жена = мужчина, муж = женщина, брак = ад, преисподняя. Согласно структурно-семантическому критерию, количественный результат таков же, так как «лед и пламень» – синкретичный образ, отсылающий к известному прецедентному тексту. Таким образом, с учетом данных критериев, в качестве единицы анализа и классификации был принят **метафорический контекст**, понимаемый как конкретное метафорическое употребление слова, конкретная реализация переносного значения лексемы в бинарном или многочленном словосочетании или предложении, достаточном для его интерпретации. В работе для выявления общих закономерностей метафорической картины мира семейных отношений, согласно когнитивному подходу, к метафоре отнесен достаточно широкий круг явлений, и как метафорические рассматриваются даже те контексты, в которых образность имеет стертый характер (как например, *медовый месяц*, *брачный союз* и др.).

Названия параграфов главы соответствуют названию конкретной М-модели. Общее количество выявленных М-моделей семейных отношений (21) позволяет говорить о достаточно широком сигнификативном разнообразии данной сферы, свидетельствующем о высокой значимости последней для языкового сознания как русского, так и турецкого народа. Характерной особенностью макроуровня системы М-моделей является отсутствие национальной специфики, поскольку проекции каждой из полученных М-моделей имеют как русские, так и турецкие языковые реализации во всех четырех субсферах метафорической экспансии: «Человек», «Природа», «Общество» и «Артефакты». Этим подтверждается определенная универсальность механизмов концептуализации исследуемой сферы. Имеются лишь незначительные различия в количественном представлении каждой конкретной субсферы. Отметим среди них то, что в русском корпусе наиболее представленной по частотности метафор является субсфера «Природа» (41%), а в турецком – субсфера «Общество» (38%). Второе место по частотности метафор в русском корпусе отводится субсфере «Артефакты» (30%), а в турецком – субсфере «Природа» (31%). Наименее частотной в обоих корпусах является субсфера «Человек»: метафорически представлен мало именно человек, поскольку он и есть референт, а не образная часть основного количества метафор. Анализ системы на микроуровне, т.е. каждой отдельной модели в рамках соответствующей ей субсферы, позволяет выявить как общее, так и национально-специфическое в этой системе, причем не только в лексике и семантике, но и в когнитивной структуре. В силу разницы в объеме корпусов практически все русские реализации М-моделей обладают более мощной и разветвленной когнитивной структурой и соотносятся с турецкими реализациями как целое и его часть. На схеме ниже приведен пример фреймо-слотовой структуры фитоморфной М-модели: общие элементы в русской и турецкой реализации данной М-модели выделены серым цветом. Этот же

принцип соблюдается при графическом изображении фреймо-слотовой структуры всех остальных М-моделей.

Схема 1. Фитоморфная М-модель

Только 8 из всех М-моделей (кулинарная, производственная, предметно-бытовая, военная, политическая, социальная, досуговая и правовая) имеют в своей турецкой реализации единичные специфические компоненты.

Анализ когнитивной структуры М-моделей позволил распределить их в зависимости от величины показателей мощности и разветвленности. Перечислим только несколько из них. В русском корпусе к наиболее мощным по числу фреймов М-моделям относятся пространственно-динамическая (16), художественная (14), природно-метеорологическая (14), военная (13), социальная (12) и зооморфная (11), а по показателям разветвленности, т.е. общему для модели количеству слотов различных уровней, лидируют зооморфная (41), пространственно-динамическая (32), предметно-бытовая (31), социальная (29), кулинарная (20). Из турецких реализаций М-моделей наиболее мощными предстают военная (10), социальная (7), пространственно-динамическая (6), а наиболее разветвленными среди турецких реализаций являются социальная (15), зооморфная (14), предметно-бытовая (11), политическая (10), фитоморфная (9).

Контекстное наполнение когнитивной структуры М-моделей позволяет выстроить их в соответствии с показателем частотности используемых в рамках каждой реализации метафор, независимо от принадлежности к соответствующей субсфере. Согласно частотности метафор, составляющих модели в русском корпусе, первые 5 моделей располагаются в следующей последовательности: зооморфная (27%), фитоморфная (8,6%), предметно-бытовая (8,2%), социальная (7,1%), художественная (5,6%). Последовательность турецких реализаций М-моделей по этому показателю несколько модифицируется: зооморфная (35%), социальная (10,8%), военная (9,5%), фитоморфная (8,2%), предметно-бытовая (5,5%). Распределение моделей с учетом вышеперечисленных количественных характеристик их когнитивной структуры в обеих реализациях позволяет сделать вывод о значимости соответствующих областей-источников (или их частей как наиболее разветвленных фреймов) в концептуализации исследуемой денотативной области в обеих ЯКМ.

Каждая М-модель представляет собой отдельный, уникальный ракурс концептуализации исследуемой сферы и высвечивает определенные ее особенности. Так, морбиальная содержит концептуальные векторы тревожности и несоответствия норме:

*Отношение к сыну всегда было **температурным**. Никогда **тридцать шесть и шесть**, всегда **тридцать восемь*** [Г. Щербакова. Моление о Еве].

*Her yanım **yaralı**, diye yazıyormuş karısından ayrılmış bir **koca** da günlüğüne: Her yanımda **acı** var.* («Я весь **изранен**», так писал муж, расставшийся со своей женой, в своем дневнике. «У меня все **болит**») [A. Ağaoğlu. Ruh Üşümesi].

Пространственно-динамическая М-модель представляет семейные отношения в развитии, т.е. как динамический процесс: **Семейный корабль дал трещину, накренился и пошел ко дну** [Ю. Безелянский. В садах любви].

Экономическая М-модель семейных отношений вносит в их концептуализацию смыслы рационального отношения (*выплачивать ночной оброк супружества, дети – это капиталовложение* и др.). Домостроительная М-модель содержит смыслы защиты и фундаментальных нравственных ценностей:

Aile, İslâm'da en önemli yapı taşı konumundadır. (Семья в исламе находится в положении самого важного фундамента [H. Demir. İslamcı Kadının Aynadaki Süreti]. Только семью поддерживают такие мощные опоры, как интимные отношения и, что не менее важно, общие материальные средства [Н. Бестемьянова и др. Пара, в которой трое].

Многие модели (зооморфная, милитарная, природно-метеорологическая, социальная и др.) отличаются разнообразием продуцируемых смыслов и являются неоднозначными по общей коннотативной окрашенности метафор. Наличие определенных коннотаций у конкретных образов модели часто обусловлено лингвокультурологическими особенностями (например, образы домашних животных, используемых в качестве жертвы Аллаху во время праздника Курбан байрам в турецкой реализации зооморфной модели и образ тяглового животного в русской; образ розы среди турецких фитоморфных метафор как любимого цветка пророка Мухаммеда, образы Христа и Церкви соотносимые с взаимоотношениями мужа и жены и обусловленные христианской аналогией в русской реализации религиозной модели; образы персонажей и реалий художественных произведений русской и зарубежной литературы в рамках русской реализации художественной модели и др.). Наибольшим лексическим, семантическим и ассоциативным варьированием образов обладают модели с высокой разветвленностью.

Контекстное наполнение когнитивной структуры моделей позволяет выявить как общие компоненты концептуализации (например, осмысление семейных отношений в диахронии через фитоморфный образ дерева), так и национально-специфические (в частности, доминирование мужского начала в семейных отношениях в турецкой реализации модели; осмысление супружеских отношений как отношений матери и сына, нуждающегося в заботе; как несерьезной детской игры в русской реализации модели). При этом национальную специфику можно проследить и на уровне лексики, используемой для создания метафор.

При формулировке названий параграфов **третьей главы «Субсферы семейного взаимодействия и их метафорическое представление»** также был применен фреймо-слотовый подход. Сфера семейных отношений представлена в ней как отдельный фрейм, в составе которого выделяются 2 слота: «семья, созданная через брак» и «семья как кровное родство». Оба слота включают более мелкие компоненты, условно называемые нами «слоты

второго и третьего уровня». В состав первого слота входят: «брак», «добрачные отношения», «отношения между мужем и женой», «отношения супругов с родственниками через брачные связи», «матримониальные аномалии». Второй слот также включает более мелкие слоты: «семья и род», «отношения между поколениями», «отношения внутри одного поколения», «семейные аномалии». Анализ метафорического наполнения компонентов фрейма «Семейные отношения» предваряется краткой сравнительной характеристикой лексемного наполнения исследуемой денотативной сферы на русском и турецком словарном материале. Этот анализ показывает, что для русского и турецкого языков характерна достаточно разветвленная система терминов кровного родства и свойства. В ее основе лежат как общие для обоих языков признаки (степень родства, семейное положение), так и специфические (в турецком – противопоставление по отцовской и материнской линии и относительный возраст внутри одного поколения, в русском – пол субъекта семейных отношений, который получает и грамматическое и лексическое выражение, а в турецком выражен только лексически). Многие термины некровного родства в турецком языке соотносятся с недифференцированным понятием, объединяющим несколько ролевых функций (*gelin* – невеста и невестка и др.). У значительного количества лексем русского языка наблюдаются множественные соответствия в турецком. Например, русская лексема *зять* в турецком языке дифференцируется: *damat/güvey* (муж дочери) и *enişte* (муж сестры), лексеме *тетя* соответствует 2 варианта: *teyze* (сестра матери) и *hala* (сестра отца) и др. В целом для турецкого языка характерно более широкое, в сравнении с русским, понимание семьи и, соответственно, в реальной действительности более сильны связи между родственниками. В связи с этим, в частности, турецкие термины родства через брачные связи сохранили свое активное употребление, в отличие от соответствующих русских лексем.

Представление сферы семейных отношений как отдельного фрейма, в состав которого входят слоты и более мелкие компоненты, позволило провести анализ в направлении, противоположном обозначенному во второй главе, т.е. от денотата к образам, его репрезентирующим. При этом, между образами различных моделей были обнаружены наиболее устойчивые семантические связи, которые носят системообразующий характер и выявляют особенности концептуализации семейных отношений в русском и турецком корпусах.

Основными, «метафорически подтвержденными» **межъязыковыми параллелями**, выстроенными в результате анализа, являются нижеследующие.

В русском и турецком корпусах наиболее активно концептуализируются одни и те же общие «денотативные точки» метафорической репрезентации семейных отношений: отношения супругов, отношения между поколениями и семья как кровное родство. Недостаточное метафорическое

освещение в обоих корпусах получают добрачные отношения, отношения внутри одного поколения, семейные и матримониальные аномалии. В целом семейные отношения (брачные, межпоколенческие, внутрпоколенческие) в основном концептуализируются как конфликтные, характеризующиеся отсутствием гармонии.

Вот по этой самой причине и трясло их друг от друга, Сережиного марксистско-ленинского папашу и папашиного музыкантствующего хулигана сына. Были они друг другу серной кислотой... Детская привязанность, родительская любовь, пошпиев, изошли едим дымом, и в прожжённой дыре ни жалости, ни сострадания не образовалось... [Л. Улицкая. Казуо Куоцкого].

Родители Кирилла, да и вся родня, были просто оскорблены этим мезальянсом. Образовалась своего рода блокада, блокада Нины – так звали его супругу, – это лично я считал всегда несправедливым. Такие действия, как брак, – дело только двоих. [В. Розов. Удивление перед жизнью].

Sinirli bir kadın olan anneannemle, kendine özgü sessiz bir inatçılığı elden bırakmayan babaannem arasında uzlaşmazlık çıkınca, annem sessizce derin bir üzüntüye gömülüyor, arabuluculuk için canlı bir savaşıma giren babamın yükselen sesini duyuyordum. (Когда мама, которая была женщиной нервной, и бабушка, не отступающая от свойственного ей молчаливого упрямства, начинают спорить, и мама погружается в безмолвную печаль, я слышал, как кричит вступающий в реальный бой миротворец отец) [D. Özlü. Tatlı Bir Eylül].

Annem dün gece nerdeydin kaltak diyerek beni reel ortamda çatır çatır doğrasın mı yani ... (То есть пусть мама спросив, где была вчера ночью, шлюха, при всех с хрустом порежет меня на кусочки) [A. Atalay. Yalnızlık Aletleri].

Нарушен естественный порядок смены поколений, старые деревья губят подлесок, подлесок губит старые деревья: им не разойтись; они взаимно ускоряют свой и без того недолгий срок на жесткой земле. Кто-то должен выбыть из этого противоестественного симбиоза – именно физически выбыть, потому что ареал обитания нам не изменить. Если сын будет жить со мной в одной комнате, то матери и деду станет полегче, но тогда умру я – в прямом физическом смысле – потому что не смогу заниматься работой, которая меня держит в жизни [М. Палей. Евгеша и Аннушка] и др.

В качестве общих смысловых параллелей метафор в обоих корпусах, можно отметить актуализацию смысла несвободы при концептуализации брака; искусственность, «артефактность» брачных связей и органичность, «природность» родовых связей; трагедийность и патетичность метафор, концептуализирующих развод; наличие гендерно-специфических метафор, представляющих ситуации вдовства и безбрачия; концептуализацию семьи в неразрывной связи с обществом в оппозиции части и целого; актуализа-

цию смыслов «тепло», «спокойствие», «защищенность», «безопасность» при концептуализации семьи; наличие смыслов «забота», «опека», «защита» в метафоризации отношений родителей и детей как в направлении «родители → дети», так и в противоположном («дети → родители»); актуализацию смысла чрезмерности проявления материнской/родительской заботы с негативными коннотациями; противоречивость в концептуализации материнства (сакрализация и десакрализация); актуализацию общего смысла нерушимости связи между матерью и ребенком; сходную схему метафоризации взаимоотношений внутри одного поколения (доминирование, конфликт, взаимопомощь).

Для метафоризации семейных отношений в обоих корпусах характерно использование одинаковых или сходных образов: при концептуализации семьи (птичье гнездо, генеалогическое древо, хромоморфные и политические метафоры) и сиротства (орнитоморфные метафоры), при освещении конфликтов между субъектами семейных отношений (зооморфные, милитарные, театральные и другие образы), при концептуализации заботы родителей о детях (зооморфные, орнитоморфные, фитоморфные образы).

К **национально-специфическим особенностям** метафорической картины мира семейных отношений в исследуемом материале могут быть отнесены следующие.

На уровне различий в денотативном разнообразии определенных субсфер семейных отношений можно говорить о культурно обусловленном отсутствии (или очень ограниченной, минимальной представленности) в турецком корпусе метафор, концептуализирующих внебрачные связи, гражданский брак в его современном понимании, сексуальные взаимоотношения супругов, семейные аномалии и наличия подобных метафор в русском корпусе. Однако отмечается более широкое референтное разнообразие турецких метафор со сферой-источником «родственники через брачные связи», а также «кровные родственники», что свидетельствует о более широком понимании семьи в турецкой культуре.

Национальная специфика концептуализации семейных отношений в русском и турецком корпусах может быть выявлена и на уровне доминантных концептуальных векторов при метафоризации каждой отдельной субсферы внутрисемейного взаимодействия. В брачных отношениях можно говорить, в частности, о гендерных различиях в русском и турецком корпусах в распределении ответственности между супругами за материальное обеспечение семьи (в турецком муж – *dış işleri bakanı* досл. «министр иностранных дел» семьи, *para makinesi* досл. «денежная машина»; в русском в материальном плане муж часто *сидит на шее жены*); активной и семантически разнообразной концептуализации внешней красоты жены в русском корпусе с использованием орнитоморфных (*ласточка моя; нежная лебедушка-жена*) зооморфных (*котик; смотрел на нее собачьими преданными глазами; моя нежная лань; кисанька; рыбонька; моя драгоценная рыбка*),

фитоморфных (*мой трепетный одуванчик*), литературных (*моя Дульцинея, Принцесса Греза, Сказочная моя царица*) и мифических (*руки жены опустились на мои плечи по-русалочьи нежно*) образов при полном отсутствии таковой в турецком. Кроме того, обращает на себя внимание различная коннотативная окрашенность образа жены-домохозяйки (преобладание положительных коннотаций в турецком корпусе в сравнении с большим количеством отрицательных в русском). Возможность трех вариантов распределения ролей между супругами (доминирование жены, доминирование мужа и равноправие) в русском корпусе при единственно возможной первостепенной роли мужа в турецком, а также метафоризация понятия «гражданский брак» как синоним обычного брака являются проявлениями несовпадений в границах нормы и аномалии в рамках русской и турецкой ЯКМ. Во взаимоотношениях супругов с родственниками через брачные связи можно выделить конфликтные оппозиции «теща ↔ зять» и «свекровь ↔ невестка» в русском корпусе в сравнении с разнонаправленностью и относительной неконфликтностью подобных взаимоотношений в турецком. При концептуализации семьи в русском корпусе обширно представлен ее диахронический аспект (связь с родом), тогда как в турецком большей метафоризации подвергаются «горизонтальные», синхронические семейные связи. Взаимодействия между поколениями одной семьи в турецком корпусе отмечены вектором уважения и подчинения родителям, а в русском, наоборот, характеризуются проявлениями неуважения, паразитизма, потребительского отношения детей к родителям.

Bir babanın çocuklarına yapabileceği en büyük hizmet, onların annelerine saygı duymasını sağlamasıdır. Sonuçta, bütün yollar anneye çıkıyor. (Самая большая услуга, которую отец может оказать детям – это привить им уважение к матери. Ведь, в сущности, все дороги ведут к матери) [H. Demir. İslamcı Kadının Aynadaki Süreti].

О-кей, предок! Отстегни-ка мне чирик на дискач! Да пошевеливайся, старый козел [Коллекция анекдотов].

Моя дочь продала меня чужим людям как вещь, ненужную, надоевшую, до отвращения намозолившую глаза [Р. Полищук. Продается мать] и др.

Можно отметить также наличие строгой внутрисемейной иерархии и преобладания авторитета отца в турецком корпусе в сравнении с деспотизмом матери по отношению к детям в русском. Воспитание детей концептуализировано в разных фокусах: в русском корпусе подчеркивается сложность этого процесса и возможность неподчинения родительскому авторитету, а в турецком акцентируется наказание, следующее за родительским гневом как часто применяемый воспитательный метод при общей более пассивной позиции ребенка в воспитательном процессе. В отношениях внутри одного поколения в русском корпусе отмечается специфический смысл естественности и необходимости конфликтов и др.

В Заключении подводятся основные итоги работы, намечаются перспективы дальнейшего исследования метафорической концептуализации денотативных сфер на различном материале. Отмечается, что метафорическая картина мира семейных отношений в ее корпусно-текстовой интерпретации в большинстве случаев не противоречит тому, что обнаруживают другие данные русской и турецкой языковых систем, репрезентирующих соответствующий фрагмент ЯКМ. В частности, в турецкой ЯКМ закреплено более широкое понимание семьи, не ограничивающееся совместно проживающими ее членами (особенно в аспекте горизонтальных, синхронических связей по боковой линии и различной степени кровного и некровного родства), выявляющееся как по данным толковых словарей, так и с учетом референтного разнообразия метафор корпусов. Терминологические лакуны, существующие в русском языковом сознании относительно лексико-семантической группы «родственники через брачные связи», соответствуют так называемым «метафорическим лакунам» в корпусе, что еще раз подтверждает вывод об отсутствии достаточной значимости данной сферы для русской ЯКМ. Кроме того, метафоры, зафиксированные в паремиях, а также в самой этимологии лексики данной сферы, нередко получают свое развитие в рамках соответствующей модели в корпусе или имеют сходство на уровне продуцируемых смыслов и коннотаций.

Отмечается меньшая метафоричность турецкого языка по сравнению с русским, несмотря на яркость образов, созданных в процессе метафоризации. Четко прослеживается так называемая тенденция «угасания» образности турецких метафор в связи с их гиперчастотным использованием в повседневной речи (особенно это касается зооморфных и орнитооморфных образов).

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК:

1. Дюзенли М.В. Метафорическая концептуализация семейных отношений: орнитооморфная модель // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. – Челябинск, 2014. – Т.11, №1. – С. 137-142.
2. Дюзенли М.В. Метафорическая концептуализация браков в русской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка, 2015. – Вып. 21. – С. 215-218.
3. Дюзенли М.В. Метафорическая концептуализация семейных отношений: когнитивный, идеографический и корпусный подходы // Когнитивные исследования языка, 2015. – Вып. 22. – С. 537-539.

Статьи в других изданиях:

4. Толмачева (Дюзенли) М.В., Шаова О.А. К проблеме анализа концептов культуры и выявления их национально-культурной специфики / М.В. Толмачева, О.А. Шаова // Современные проблемы языкового образования: методический и филологический аспекты // Материалы первой всероссийской студенческой научно-практической конференции. Часть II: Современные лингвистические и филологические исследования. – Нижний Тагил, 2005. – С. 176-179 (авторские не разделены).
5. Дюзенли М.В. Взаимодействие русского и турецкого языков в речевом развитии ребенка-билингва // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 27-30 июня 2012 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; каф. совр. рус. яз. и метод. преп. – Казань: Отечество, 2012. – С. 277-279.
6. Дюзенли М.В. «Куриная метафора» в концептуализации денотативной сферы семейных отношений // Лингвистические и культурологические традиции и инновации. Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. – Томский политехнический университет. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2013. – С. 44-48.
7. Дюзенли М.В., Ли Цзянь. Ассоциативные репрезентации концепта «семья» в сознании современной российской и китайской молодежи. // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте. Материалы ежегодной конференции. 1-2 июня 2014 г. / Уральский федеральный университет. – Екатеринбург, 2014. – С. 29-34 (авторские не разделены).
8. Дюзенли М.В. Зооморфные метафоры в концептуализации семейных отношений // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 40-летию образования и научной деятельности кафедры современного русского языка и прикладной лингвистики Уральского федерального университета, 23-24 октября 2014 г., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – С. 72-74.
9. Дюзенли М.В. Метафорическая концептуализация любви в современных российских песнях // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2015. – №1(2). – С. 41-44.
10. Дюзенли М.В. Метафорическая концептуализация семейных отношений: зооморфная модель // REOSIAHAG. Journal of Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University, South Korea. – February 2015. – №11. – p. 135-150.
11. Дюзенли М.В. Феномен сиротства в метафорическом освещении // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – 2016. – №1(4) – С. 15-18.